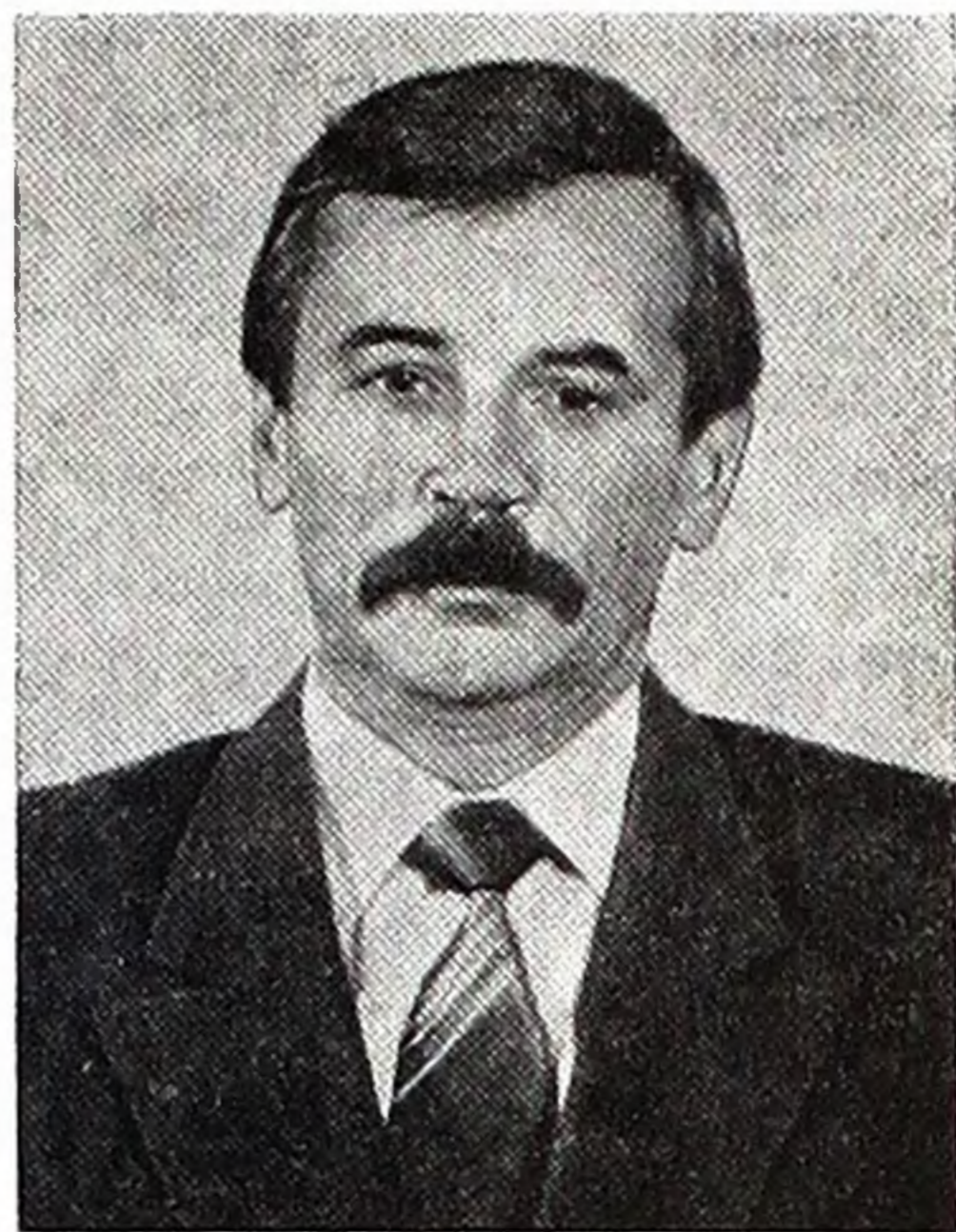

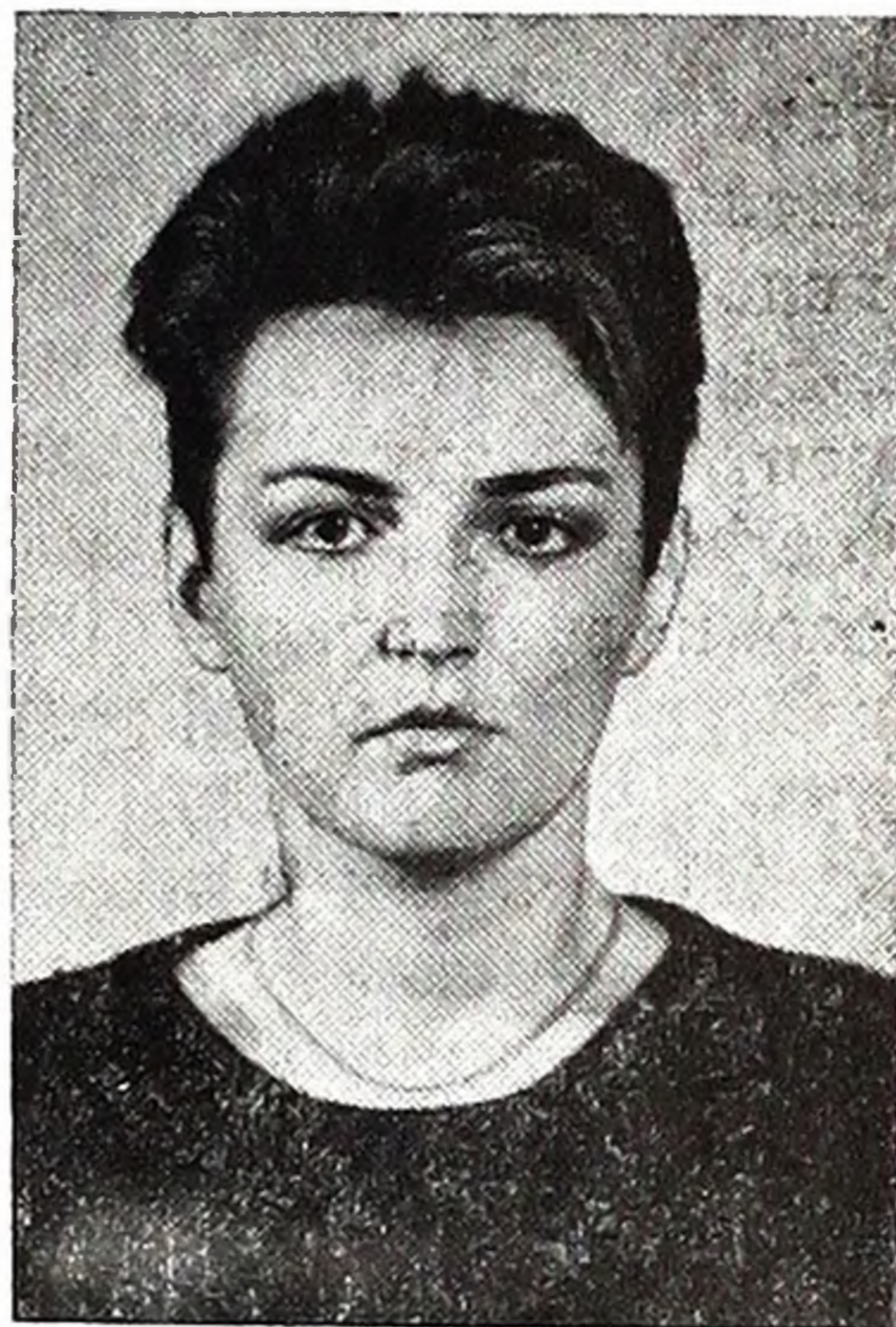
КИЕВСКИЙ КРУГ

Ю. В. Кушаков, М. Л. Ткачук

КУШАКОВ Юрий Вячеславович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории философии и логики Киевского госуниверситета. Специалист по истории философии (классическая немецкая философия), теоретическим и методологическим проблемам историко-философского процесса. Автор монографии «Историко-философская концепция Л. Фейербаха» (Киев, 1981), соавтор ряда коллективных трудов и сборников. Печатался в журналах «Философские науки» и «Філософська думка».

ТКАЧУК Марина Леонидовна — ассистент кафедры истории философии и логики Киевского госуниверситета. Область научных интересов — русская философия рубежа XIX — XX вв., теория и методология истории философии. Автор статьи «Проблема детерминации философского знания в творчестве А. Н. Гилярова» («Проблемы философии», Киев, 1989, вып. 82). В нашем журнале выступает впервые.

А. Н. ГИЛЯРОВ КАК ИСТОРИК ФИЛОСОФИИ

Никогда интерес к истории отечественной философской и общественной мысли не был столь велик, как в наши дни. И это понятно. Ибо без знания истории, в том числе и духовной, нам не решить тех революционных экономических, социальных, политических и духовно-культурных задач, которые стоят перед нашим обществом на современном этапе. И вместе с тем никогда так остро и озабоченно не осознавалась неразработанность, неисследованность этой важнейшей области истории культуры¹. Однако сегодня, когда историческое сознание освобождается от односторонних, идеологически заданных догм и приоритетов, когда пришло понимание того, что для исторической науки губительно существование табуированных тем и проблем, когда мы обретаем, наконец, широту и великодушие в отношении общечеловеческих ценностей, заложенных в отечественном духовном наследии, появилась надежда и даже уверенность в возможности исцеления от самой страшной, по-видимому, болезни духа, имя которой — потеря исторической памяти.

¹ Убедительным свидетельством этого осознания являются материалы «круглого стола» — «Проблемы изучения истории русской философии и культуры» (Москва, 21—22 марта 1988 г.) — См.: *Вопр. философии.* — 1988. — № 9. — С. 92—161.

История отечественной науки и культуры пестрит еще, к сожалению, многочисленными «белыми пятнами». Освободить из плена забвения полустертые, или вовсе стертые, имена ее творцов, избавиться от поверхностных, а то и ложных, интерпретаций и оценок их наследия, одним словом — восстановить историческую правду — актуальнейшая задача историко-философской науки.

В ряду таких имен — имя видного философа и историка философии, сыгравшего значительную, но по достоинству еще не оцененную роль в становлении и развитии отечественной историко-философской науки, — Алексея Никитовича Гилярова (1855—1938).

Творчество А. Н. Гилярова не являлось до сих пор предметом специального научного исследования. Его обширное философское наследие (как рукописное, так и изданное) не изучено. И как следствие, имеющие место в нашей литературе беглые оценки мировоззрения мыслителя поверхностностью, предвзятостью и неадекватностью вызывают лишь удивление и недоумение.

В Большой Советской Энциклопедии и Философском Энциклопедическом словаре Гиляров вообще обойден молчанием. В Философской энциклопедии он — «русский философ-идеалист», который «в 20-х гг. начал работу над трудом «Схема истории философии в освещении исторического материализма», где стремился пересмотреть старое представление о природе философии»². Авторы книги «Історія Київського університету (1834—1959)» зачислили Гилярова «по ведомству» неокантианства³. М. П. Медведев оценивает его философское учение как «эклетиическое соединение отдельных положений субъективного и объективного идеализма, близкое по форме эмпириокритицизму, однако не тождественное ему по сути», а социологические взгляды философа относит «к натуралистическому направлению в социологии, в частности, к социальному дарвинизму и связанному с ним расизму, а также к психосоциологической школе»⁴. А. А. Пашкова отмечает позитивистские «наклонности мыслителя»⁵. И. В. Бычко, В. Д. Белодед, Н. И. Лук характеризуют мировоззрение Гилярова как панпсихизм⁶.

Заметим, что все эти оценки построены только на двух работах Гилярова — «Введение в философию» и «Философия в ее существе, значении и истории»⁷, в то время как большинство печатных и рукописных трудов мыслителя, в том числе и все, что создано им в послеоктябрьский период, осталось без внимания.

Каким же в действительности было мировоззрение Гилярова? Каков его вклад в разработку историко-философских и философско-мировоззренческих проблем? Каковы его заслуги в истории отечественной философской мысли? Для того, чтобы избежать односторонних поверхностных представлений, найти верные ответы на эти далеко не простые вопросы, представляется необходимым, во-первых, привлечь к анализу все наследие философа; во-вторых, самым внимательным образом отнестись к эволюции его взглядов и, в-третьих, не забывать того, что Гиляров был прежде всего историком философии, что именно историко-философские взгляды образуют фундамент его мировоззрения.

Из отечественных исследователей лишь А. И. Новиков «заметил» Гилярова, признав оригинальным решение последним целого ряда историко-философских проблем⁸, но тема эта не получила до сих пор раз-

² Филос. энцикл.— 1960.— Т. 1.— С. 370.

³ Історія Київського університету (1834—1959).— К., 1959.— С. 548.

⁴ Медведев М. П. Боротьба матеріалізму та ідеалізму на Україні у роки століпінської реакції: Дис. ... канд. філос. наук.— К., 1967.— С. 151—238.

⁵ Пашкова А. А. Философская мысль в Киевском университете в дооктябрьский период // Филос. науки.— 1984.— № 5.— С. 106.

⁶ См.: Історія філософії на Україні.— К., 1987.— Т. 2.— С. 110.

⁷ Гиляров А. Н. Введение в философию.— Киев, 1907; Гиляров А. Н. Философия в ее существе, значении и истории: В 2-х т.— Киев, 1918—1919.

вернутого и обстоятельного рассмотрения. Попыткой в какой-то мере осуществить такое рассмотрение и является данная статья.

Рано пробудившемуся интересу к философии и ее истории Гиляров был, по-видимому, обязан отцу, известному в свое время публицисту и философу Н. П. Гилярову-Платонову, который был знатоком истории западноевропейской философской мысли, о чем свидетельствуют его работы: «Рационалистическое движение философии новых времен» и «Онтология Гегеля»⁹. Однако систематическое изучение им истории философии началось в 1876 г., когда будущий ученый стал студентом классического отделения историко-филологического факультета Московского университета. Годы учебы были отданы глубокому освоению философского наследия, истории мировой культуры, совершенствованию знания древних и новых языков (Гиляров блестяще знал греческий и латынь, свободно владел французским, немецким, английским и итальянским). Впоследствии современники не раз отметят его «обширную и разностороннюю эрудицию»¹⁰, феноменальные знания в области истории философии, особенно «образцовое знакомство» с учением Платона, с античной философией в целом¹¹. После окончания университета он был оставлен на кафедре истории философии для приготовления к профессорскому званию.

С 1885 г. начинается преподавательская деятельность Гилярова — сначала в Московском, а затем (с 1887 г.) в Киевском университетах, выходят его первые научные труды, посвященные истории древнегреческой философии¹². В 1888 г. он защищает магистерскую диссертацию «Греческие софисты, их мировоззрение и деятельность в связи с общей политической и культурной историей Греции», а в 1892 г. — докторскую — «Источники о софистах. Платон как исторический свидетель».

За долгие годы педагогической работы Гиляров прочитал множество самых разнообразных лекционных курсов по истории философии — начиная от древней и кончая новой (в том числе по философии Платона, Аристотеля, Спинозы, Юма и т. д.). Тексты двух из них сохранились и могут дать представление об интерпретации Гиляровым античной и новоевропейской философии¹³. В 1895—1902 гг. он много работает в области историко-философского источниковедения. Его библиографические очерки и обзоры зарубежной литературы по истории философии, явившиеся результатом научных командировок в библиотеки Берлина, Мюнхена, Парижа и Лондона, отличаются высоким профессионализмом и научная добросовестность¹⁴. В этот же период Гиляров активно занимается

⁸ См.: Новиков А. И. Из истории формирования историко-философской науки в России // Методологические проблемы истории общественной мысли.— Л., 1971.— С. 4—21.

⁹ См.: Русский биографический словарь.— М., 1916.— Т. 5.— С. 208—216. Примечательно, что в конце своей жизни Гиляров-Платонов изучал экономические труды К. Маркса (см.: Гиляров-Платонов Н. П. Основные начала экономии.— М., 1889).

¹⁰ Козлов А. Новейшее исследование о Платоне: Рец. на кн. А. Н. Гиляров. Источники о софистах. Платон как исторический свидетель // Вопр. философии и психологии.— 1892.— Кн. XI.— С. 52.

¹¹ Там же.

¹² Гиляров А. Н. Платонизм как основание современного мировоззрения в связи с вопросом о задачах и судьбе философии.— М., 1887; Гиляров А. Н. Греческие софисты, их мировоззрение и деятельность в связи с общей политической и культурной историей Греции.— М., 1889; Гиляров А. Н. Источники о софистах. Платон как исторический свидетель.— Киев, 1892.

¹³ См.: Гиляров А. Н. История древней философии: Курс лекций, чит. в 1903—1904 гг. в Киевском университете.— ОР ЦНБ АН УССР. I, 4862; Гиляров А. Н. Пособие по истории новой философии. Лекции.— Киев, 1914.

¹⁴ См.: Гиляров А. Н. Новые книги по истории средневековой и древней мысли (за 1889—1894 гг.) // Киев. унив. изв.— 1895.— № 6.— С. 1—49; № 11.— С. 91—101; Гиляров А. Н. Обзор трудов по истории греческой философии за 1892—96 гг.— Киев, 1896; Гиляров А. Н. Обзор философской литературы за последние годы.— Киев, 1898; Гиляров А. Н. Новейшие попытки философского синтеза на научной почве.— Киев, 1901; Гиляров А. Н. Что нужно читать, чтобы заниматься философией?— Киев, 1902.

проблемами теории и методологии истории философии, разрабатывает вопросы детерминации историко-философского процесса, его периодизации, классификации философских учений, исследует функции историко-философского знания¹⁵. Свои размышления Гиляров обобщает в большой работе «Философия в ее существе, значении и истории» (К., 1918—1919.— Т. 1—2), завершающей дореволюционный период его творчества.

После Октябрьской революции Гиляров, в отличие от многих своих коллег, не покинул Россию и не примкнул к тем из них, кто, оставшись на родине, любыми путями стремился вернуть прошлое.

Многочисленные научные труды, незаурядные способности и поистине энциклопедические знания снискали Гилярову заслуженное уважение коллег и любовь многочисленных учеников. В 1922 г. он был избран академиком Всеукраинской Академии Наук. Созданный по его инициативе¹⁶ и руководимый им Семинар по социальной философии (при ВУАН), объединивший молодых киевских ученых (среди которых были В. Ф. Асмус и М. А. Дынник — впоследствии крупные историки философии), сыграл значительную роль в становлении и развитии марксистской философии на Украине.

Путь, пройденный Гиляровым в науке, был непростым. В его мировоззрении во многом отразились смятение и духовный кризис русской интеллигенции в преддверии революции, ожидание и, одновременно, неверие в возможность социальных перемен, постоянные поиски истины, преодоление собственных заблуждений. Однако даже в самые трудные годы Гиляров в своих теоретических построениях не покидал почвы реальности. Он называл свою философию «светлой и радостной»¹⁷ и назначение ее видел в служении человеку.

Начав в конце 80-х гг. XIX в. как убежденный приверженец Платона, Гиляров к началу 1900-х гг. приходит к «совершенно сходным взглядам»¹⁸ с немецким психофизиком Г. Т. Фехнером (1801—1887), считавшим единственно возможной основой цельного и стройного миропонимания учение о Вселенной как одухотворенном организме. Рассматривая материю и дух как «два определения одной первоосновы»¹⁹, полагающей и внешнюю природу, и внутренний мир человека, видя в материальном и духовном мире две стороны одной и той же сущности, Гиляров склоняется к примирению материального и идеального в духе пантеизма. Фигурирующее в его работах «вселенское существо» не является богом, стоящим над миром и вершащим его судьбы; оно наполняет его духовным содержанием, которое, однако, не может быть оторванным от материальных процессов, точно так же, как и человеческое мышление — от своей физиологической основы, мозга. Вслед за Фехнером, исследования которого доказали возможность опытно-математического подхода к психическим явлениям, Гиляров задумывается над необходимостью экспериментального изучения феномена психического. Пытаясь раскрыть связь психических и химических процессов, он, уже будучи профессором философии, начинает серьезно заниматься органической химией (под руководством С. Н. Реформатского), а также качественным и количественным анализом (под руководством Я. И. Михайленко). Одновременно Гиляров изучает неорганическую химию и постепенно оборудует в Киевском университете собственную лабораторию, в которой в течение восьми лет (с 1894 по 1902 гг.) ведет исследования в

¹⁵ См.: Гиляров А. Н. Что такое философия и что она может и чего не может дать? — Киев, 1899; Гиляров А. Н. Что нужно читать, чтобы заниматься философией? // Киев, унив. изв. — 1902. — № 11.

¹⁶ См.: Текущий архив Президиума АН УССР. Личное дело А. Н. Гилярова. — Л. 6.

¹⁷ Гиляров А. Н. Введение в философию. — Киев, 1907. — С. 43.

¹⁸ Там же. — С. 39.

¹⁹ Там же. — С. 139.

области органического синтеза²⁰. Кроме того, ученый много времени отдает экспериментальной психологии. Вместе с Г. И. Челпановым он добывается учреждения в Киевском университете психологической семинарии (1897 г.), обосновывая необходимость ее создания возрастающим практическим и теоретическим значением психологии для педагогики, юриспруденции, медицины и для выработки правильного философского миропонимания²¹. В разные годы Гиляров занимается проблемами «гипнотизма»²² и роли внушения в личной и общественной жизни, психологией права и «психологией толпы»²³. Естественно-научные исследования, в результате которых Гиляров приходит к выводу о том, что «залог научного прогресса не в одних только экспериментах и не одних только теориях, но в экспериментах, освещенных теориями, и теориях, подтвержденных экспериментами»²⁴, стали важной вехой на пути ученого.

После Октябрьской революции Гиляров пытается осмыслить историко-философский процесс с позиций марксизма, свидетельством чего являются оставшийся незавершенным труд «Схема истории философии в освещении исторического материализма»²⁵, многочисленные подготовительные материалы к нему, сохранившиеся части рукописей «Философия в революционной и классовой борьбе» и «Краткий диалектический обзор истории философии», неопубликованные статьи и черновики.

Сферу научных интересов Гилярова составляли три различные области знания — философия, естествознание, литература. Однако приоритет принадлежал, несомненно, философии, точнее — истории философии. «Я... историк и критик»²⁶, — подчеркивал он уже в своей первой работе.

Историко-философское наследие Гилярова обширно, многогранно. Оно включает в себя и конкретные исследования отдельных исторических этапов развития философии (особенно античной), и разработку теоретических и методологических проблем историко-философской науки, и попытку осмыслить историко-философский процесс в его целостности.

Основу историко-философской концепции Гилярова составляет истолкование им философии как мировоззрения, задающего человеку систему смысло-жизненных координат миропонимания, самосознания и поведения. Философия для него представляет собой творческую деятельность, направленную «к построению или указанию основ, устоев для построения такого цельного и слаженного миропонимания, которое бы отвечало всем требованиям нашего духа, одинаково теоретическим, нравственным, эстетическим, помогало бы разбираться во всех сложных вопросах и давало бы для жизни руководство»²⁷.

Некоторые оппоненты — современники Гилярова, абсолютизовавшие познавательную функцию философии и усматривавшие в последней лишь «особое знание»²⁸ или науку, «которая имеет задачу установле-

²⁰ Текущий архив Президиума АН УССР. Личное дело А. Н. Гилярова.— Л. 10.

²¹ ЦГИА УССР.— Ф. 707.— Оп. 148.— Д. 55.— Л. 2.

²² Работа А. Н. Гилярова «Гипнотизм по учению школы Шарко и Психологической школы (1881—1893)» (Киев, 1894) была оценена специалистами как уникальный в русской психологической литературе свод и критический анализ всех известных тогда материалов по проблеме «гипнотизма» на основе принципов и методов экспериментальной психологии. (См. рец. на кн.: *Вопр. философии и психологии.*— 1893.— Кн. 20.— С. 121—123; *Журн. м-ва нар. просв.*— 1893.— № 11.— С. 184—190).

²³ См.: *Птуха М.* Соціально-Економічний відділ Української АН у 1925 році // *Зап. соц.-ек. від-ня ВУАН.*— Т. 2—3.— К., 1926.— С. VII.

²⁴ *Гиляров А. Н.* Гипнотизм по учению школы Шарко и Психологической школы.— С. 390.

²⁵ См.: *Зап. соц.-ек. від-ня ВУАН.*— Т. 2—6.— К., 1926—27.

²⁶ *Гиляров А. Н.* Платонизм как основание современного мировоззрения...— С. 87.

²⁷ *Гиляров А. Н.* Философия в ее существе, значении и истории.— Киев, 1918.— Ч. 1.— С. 65.

²⁸ *Шпет Г. Г.* Рец. на кн.: А. Н. Гиляров. Руководство к изучению философии // *Мысль и слово.*— 1922.— № 1.— С. 396.

ние первых или основных истин, т. е. истин, служащих основоначалами или принципами для прочих истин»²⁹, обвиняли мыслителя в отрицании им научного статуса философии³⁰. В действительности же Гиляров отвергал не научный статус философии, а лишь понимание философии как «науки наук», сциентистскую редукцию философии к науке, которая вела к объединению философии, к утрате ее мировоззренческой специфики.

«Всякое философское учение, — полагает Гиляров, — к какому бы направлению оно ни принадлежало, ставит целью приближение к истине и поэтому стремится быть научным»³¹. Генетически и функционально философия и наука тесно взаимосвязаны, однако было бы неверным отождествлять их. Философия, будучи определенной системой знания, является вместе с тем знанием особым, мировоззренческим. Она не только знание, но и мудрость, ибо отвечает на вопрос не только о том, что есть, но и о том, что должно быть. Разум, настаивает Гиляров, не исчерпывает собой духовности, ибо внутренний мир человека — это еще и воля, и все богатство и многообразие чувств. И только вся душа, как интегральная цельность духа, во всей своей нераздельности и полноте является основанием философского миропонимания.

Однако в реальной жизни, подвижной и текучей, душа не может сохранять необходимого для познания истины равновесия. Она рвется и терзается, живет больше то одной, то другой стороной своего существования. Наш ум (то есть «наша воля, руководимая удовольствиями ума») стремится к единству, чувство (то есть «наша воля, руководимая удовольствиями чувства») — к разнообразию. То, что «равномерно, непосредственно или посредством ассоциаций, удовлетворяет ум и чувство»³², приводит многообразие к единству и гармонии, Гиляров называет красотой; сознание этого единства, идеи в явлении — истиной, а удовлетворение, испытываемое от обладания истиной, — благом. Красота, истина, благо, подчеркивает он, есть «три обозначения одной и той же объективной сущности, сообразно с тремя точками зрения на нее — теоретической, эстетической и нравственной»³³. Отсюда, делает вывод Гиляров, цельное миропонимание должно ориентироваться на достижение духовного единства, «примирение» «истины ума» и «истины сердца». Создание такого миропонимания и есть, по его глубокому убеждению, важнейшая задача философии, смысл и значение которой — в обращенности к человеку и служении ему.

Сфокусированность на человеке является вообще одной из субстанциональных особенностей отечественной философии. Это подчеркивали еще в начале века исследователи, пытавшиеся проникнуть в ткань отечественной философской культуры, осмыслить последнюю как целостность³⁴. К такому выводу приходит и современная историко-философская наука, стремясь выяснить специфику отечественной философии как социокультурного феномена, определить ее национальное своеобразие³⁵. Соотношение сущего и должного, добра и зла, поиск нравственного идеала — вот те «вечные» вопросы, которые пронизывают нашу духовную культуру в целом и философию в частности. В этом смысле Гиляров, для которого роль философии не сводится к решению чисто умозрительных вопросов бытия и познания, а заключается прежде всего в постижении смысла жизни, в решении вопроса о том, что есть добро и

²⁹ Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона.— 1902.— Т. XXXV^A.— С. 827.

³⁰ Там же.— 1893.— С. 689.

³¹ Гиляров А. Н. Греческие софисты.— С. 104.

³² Гиляров А. Н. Старые поэты в новых русских переводах. Данте, Боккаччо, Ариост, Сервантес, Байрон. Критический очерк с точки зрения учения о поэзии как выражении вселенского логоса.— Киев, 1895.— С. 6.

³³ Там же.— С. 7.

³⁴ См.: Лосев А. Ф. Русская философия // Век XX и мир.— 1898.— № 2, 3; Радлов Э. Очерк развития русской философии.— Пг., 1920.

³⁵ См.: Проблемы изучения истории русской философии и культуры. Материалы «круглого стола» // Вопр. философии.— 1988.— № 9.— С. 92—161.

зло, «как жить, как относиться с внутренней стороны к себе, к ближним, к миру в целом»³⁶, для которого духовный идеал не есть только истина, только красота или только благо, но их единство, очень точно выражает характерную особенность, основную «тональность» отечественной философии. Сегодня, когда философская наука, осознанно возвращаясь к своим гуманистическим истокам, обращается в поисках ответов на насущные вопросы к идеям, рожденным на пороге нынешнего века в раздумьях над веком прошедшим, к размышлениям о судьбах философии и путях ее развития, можно по достоинству оценить и прозорливость Гилярова, убежденного в том, что перспективы философии связаны с ее гуманизацией, поворотом к реальной жизни, к реальному человеку и его проблемам.

Идея гуманизма, отношение к философии как выражению человеческого стремления ко все большей и большей внутренней полноте бытия, к достижению духовной свободы, пронизывает и историко-философские построения, возникшие на почве отечественной духовной культуры в конце XIX — начале XX вв.³⁷ Именно эта идея является центральной в творчестве Гилярова — историка философии. В его концепции она находит наиболее последовательное и всестороннее воплощение.

Как известно, развитие концептуализированной рефлексии по поводу истории философии начинается с Гегеля, в изображении которого история философии впервые предстает не коллекцией разноречивых философских учений, а закономерным развитием философии по пути познания истины. Однако, исследуя историко-философский процесс с точки зрения саморазвития мысли, то есть в «идеальной» форме, Гегель проигнорировал те реальные условия, в которых функционирует философия во времени, упустил из виду тот широкий, многоуровневый культурно-исторический контекст, в котором развивается философская мысль. Кроме того, рассматривая в качестве субъекта философского творчества не конкретную личность, а «лишенную своеобразия мысль», настаивая на том, что «философы лишь читают и пишут указы Мирового Духа, и их держат для того, чтобы записывать эти указы»³⁸, что все, что идет от личности, — лишь порок, деформация «чистой» духовности, Гегель деперсонализировал историю философии, лишил ее личностной детерминации, «оторвал» от питающей ее почвы — человеческого мира.

Слабые звенья гегелевской историко-философской концепции обнаружил уже ближайший ее последователь К. Фишер, выяснивший и исследовавший в своей «Истории новой философии» культурно-историческую детерминанту философского развития. К анализу личностного фактора историко-философского процесса обратились Л. Фейербах, а затем неокантианцы (особенно В. Виндельбанд). Однако, преодолевая гегелевский имманентизм, историко-философская наука не избежала крайностей субъективизма и психологизации истории философии. Обратив внимание на существенное значение личностного * начала в философском творчестве, неокантианцы абсолютизировали его и истолковали, к тому же узко психологически, как не вписанную в контекст социокультурных детерминант непосредственную данность индивидуальной психической структуры личности.

Ключом к научному объяснению процесса развития философии, смены одних философских направлений другими стало материалистическое понимание истории, разработанное К. Марксом и Ф. Энгельсом. Был заложен фундамент, связывающий воедино выявленные детерминанты историко-философского процесса, позволяющий осмыслить историю фи-

³⁶ Гиляров А. Н. Философия в ее существе. — Ч. 1. — С. 58.

³⁷ См., напр.: Соловьев В. С. Исторические дела философии // Вопр. философии. — 1988. — № 8. — С. 118—125.

³⁸ Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии // Соч. — М.; Л., 1935. — Т. 11. — С. 76.

* В терминологии В. Виндельбанда — индивидуально-психологического.

лософии как целостность. Однако некритическое усвоение и идеологическая догматизация марксистских идей породили, в свою очередь, вульгарно-социологическое отношение к истории философии, сводящее все многообразие культурно-исторических детерминант философского развития к экономическому фактору, изымающее из историко-философского процесса личность, субъект философского творчества, возвращающееся, по сути, к гегелевскому телеологическому взгляду на историю философии как единое целенаправленное движение философской мысли к ее нынешнему состоянию. Осознавая необходимость перехода от натурализации к гуманизации историко-философского знания и преодолевая высокомерное отношение к прошлому, наша наука обращается к своей истории, возрождает гуманистические традиции отечественной философии.

В свете вышесказанного значительный интерес представляет историко-философская концепция Гилярова. Ее теоретическую основу составляет учение о закономерностях историко-философского процесса, важнейшими из которых являются детерминированность развития философии, единство философского знания и его дивергентность.

Для этого мыслителя совершенно очевидно, что «ни одно философское построение не имеет безусловного значения, и вся философия есть развивающийся процесс»³⁹. Критикуя традиционное изложение учений в хронологической последовательности без выяснения внутренней связи между ними и с общим потоком философской мысли (изложение в результате которого история философии утрачивает внутренний смысл и становится чисто внешней сменой разноречивых мнений), Гиляров не приемлет и гегелевской историко-философской концепции, осмысленность и стройность которой куплены, по его словам, ценой насилия над фактами, не желающими укладываться в заранее приготовленный для них распорядок. История философии, в его трактовке, отражает извечное человеческое стремление к достижению цельного и слаженного миропонимания, а так как оно «слагается вместе с личным творчеством и действием окружающих условий», то «в различные времена бывают и различные миропонимания в зависимости от состояния общей культуры»⁴⁰.

Однако самым важным представляется то, что логическая, личностная и культурно-историческая детерминанты в концепции Гилярова не противопоставлены и не обособлены друг от друга, а рассматриваются в диалектическом единстве. Гиляров очень точно подмечает такую специфическую черту философии, как ее амбивалентность: являясь отражением субъективного мира, она одновременно выражает определенное отношение к миру со стороны субъекта; существуя как нечто отстраненное от субъекта, заключенное во всеобщие формы, она одновременно проявляется в форме индивидуально-личностной. Философия всегда есть действие личного разума или отдельного лица во всей ясности индивидуального сознания. «Каждый из философских синтезов, — замечает Гиляров, — плод личного творчества их авторов, созревающий на почве современной им культуры, в соответствии с их личными склонностями, вкусами, настроениями, сочувствиями и несочувствиями»⁴¹. Культурно-историческая детерминация развития философии, по убеждению мыслителя, осуществляется не непосредственно, а через механизм личностной детерминации.

Функционируя в системе культуры, философия есть не только учение о мышлении, но и постижение мира в мышлении, исторически определенный образ, стиль мышления, «эпоха, схваченная в мысли». Од-

³⁹ Гиляров А. Н. Что нужно читать, чтобы заниматься философией? // Киев. унів. изв.— 1902.— № 11.— С. 139.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Гиляров А. Н. Анализ основных понятий, необходимых для четкого понимания диалектического материализма.— ОР ЦНБ АН УССР.— Ф. 210.— № 4.— Л. 25.

нако мышление как естественно-исторический процесс протекает только в человеческой голове, и в этом смысле сам акт мышления индивидуален. В личности философа, как в зеркале, находят свое отражение социальные, экономические, нравственные и прочие реалии его эпохи; преломленные сквозь призму творческой индивидуальности мыслителя, они определяют его миропонимание. В этом смысле философия «порождается всем богатством общественной и духовной жизни, это богатство в себе отображает, собою умножает и общественной жизни служит»⁴².

Таким образом, каждое философское учение может быть понято только в конкретно-историческом контексте, с учетом всех многообразных связей, в которые включена философия каждой эпохи, ибо «между всеми сторонами духовной жизни существует тесная связь; каждое духовное состояние есть явление сложное, но в своей сложности единое и нераздельное»⁴³. «Вырывать... историю философии из связи с остальными течениями общественной и духовной жизни, видеть в ней самодовлеющее целое, только вскользь соприкасающееся с ними, значит понимать ее не только односторонне и узко, но и в корне ошибочно»⁴⁴, — подчеркивает Гиляров. Мыслитель стремится рассматривать философию в единстве с другими формами общественного сознания, пытается показать, как в реальной истории переплетаются религия, философия, наука, искусство, нравственность, политика, право, подчеркивая, что, исходя из этого единства только и можно раскрыть сущность каждой из них⁴⁵. В работах послеоктябрьского периода Гиляров, разделяя принцип материальной обусловленности общественных явлений, особенно выделяет в этой целостности экономические (в его терминологии — хозяйственные) отношения, составляющие тот фундамент, на котором «зиждется весь общественный уклад со всем его содержанием — жизнь общественная, политическая, идейная, или, иначе, вся культура»⁴⁶.

Однако, являясь феноменом культуры, настаивает мыслитель, философия всегда есть личностный феномен. Испытывая воздействие среды и времени, личность никогда не является «слепком» социума, его повторением на уровне микрокосма. Ее духовный мир активен и самодостаточен, и философская идея есть результат ее внутренней активности, синтеза знания о мире и нравственного переживания мира. Если содержание той или иной философской системы характеризуется логикой саморазвития философии и определенными культурно-историческими реалиями, то ее форма является проявлением творческой индивидуальности философа, его человеческой судьбы, особенностей характера, психической организации и т. д. Влияние личностных характеристик настолько велико, подчеркивает Гиляров, что «способность к философии должна быть признана особым даром природы, наподобие того, как существует природная способность к практической, художественной и научной деятельности, с тою, однако, разницею, что во всех остальных видах деятельности может быть крупный и малый талант, в философии же малый талант есть нелепость, так как обсуждение самых сложных и трудных вопросов, какие только существуют, и созидание самых трудных

⁴² Гиляров А. Н. Философия в ее существе, значении и истории.— Ч. 1.— С. 59.

⁴³ Гиляров А. Н. Греческие софисты...— С. 70.

⁴⁴ Гиляров А. Н. Философия в ее существе...— Ч. 1.— С. 166.

⁴⁵ Особый интерес А. Н. Гиляров испытывал к проблеме взаимосвязи философии и литературы, ибо именно литература дает наиболее полное представление о проблемах и умонастроении эпохи, позволяет проникнуть в ткань ее духовной культуры. В 1901 г. он издал большую работу «Предсмертные мысли XIX века во Франции. Очерк миропонимания современной Франции по ее крупнейшим литературным произведениям», целиком посвященную указанной проблеме и содержащую попытку на конкретном историческом материале рассмотреть философский потенциал литературы, отражение в ней идейных течений эпохи, влияние философии на литературный процесс.

⁴⁶ Гиляров А. Н. Философия в революционной и классовой борьбе.— ОР ЦНБ АН УССР.— Ф. 210.— № 3.— Л. 111.

построений, какие только возможны, очевидно, под силу только крупному дарованию»⁴⁷.

Анализ историко-философского процесса сквозь призму реального субъекта философского творчества, исследование личностного фактора как фокуса всей системы детерминант философского развития представляется наиболее перспективным в реализации культурологического подхода к истории философии, вне которого невозможно выяснить процесс реального функционирования философии. Идея Гилярова интересна еще и потому, что личностное трактуется мыслителем не как субъективное, оторванное от внешних реалей. Личностное знание, каковым является философия, как активное постижение познаваемых вещей, представляет собой своеобразный сплав индивидуального и объективного. Такое решение проблемы позволяет, возрождая в историко-философском процессе личность, ее самоценность и уникальность, избежать субъективистских абсолютизаций и узкопсихологических трактовок индивидуальности.

Наряду с детерминированностью важнейшей закономерностью историко-философского процесса Гиляров считает его единство. Идея единства, приобретающая в русской философии конца XIX — начала XX вв. космическое значение, является для ученого ключевой в исследовании отношения «человек—мир».

Называя свое учение «синехологическим»**, Гиляров подчеркивает, что видит свою задачу в том, чтобы осмыслить мир как целостный организм, все процессы в котором взаимосвязаны и взаимообусловлены. Полагая в качестве связующего начала «вселенский разум», некий духовный первопринцип, мыслитель выступает здесь с позиций идеализма, однако по сути своей учение о всеобщем единстве, близкое философии всеединства В. С. Соловьева, глубоко гуманистично. Проникнутое светом духовности и исполненное веры в творческую, созидательную активность личности, оно призвано найти основания человеческого сообщества как единого целого, в котором «все народы по физическому и духовному богатству были, насколько возможно, одним великаном»⁴⁸, доказать, что закон единства, действующий во вселенной, определяет и жизнь общества, полагает общечеловеческое и в следовании этому общечеловеческому выражает нравственный императив. «Как будто благо, истина, красота — единые в своем первоисточнике и дробные лишь в обнаружениях жизни, науки, искусства, — не общее достояние всех, подобно тому как одинаково для всех посылает животворящие лучи свои солнце, — восклицает философ, — и как будто взаимообщение народов во всех областях духа и жизни не необходимое условие культурного развития»⁴⁹. Мудрость и правота такого взгляда на мир доказаны историей.

С позиции единства Гиляров рассматривает и историко-философский процесс, исследует такие важные проблемы, как соотношение национального и интернационального, классового и общечеловеческого в истории философии. В истории философии, по его убеждению, наряду с другими действуют и национальные детерминанты, ибо культурная среда всегда носит отпечаток «духовного склада» народа, ее создающего, особенностей его традиций, вкусов, темперамента и т. д. Тем не менее, развитие философского знания является всемирным процессом, относящимся к истории философии отдельного народа, как общее к особенному: «В каждом гениальном создании под личным и национальным всегда кроется общечеловеческое... В каждом государстве наряду с элементами

⁴⁷ Гиляров А. Н. Что такое философия и что она может и чего не может дать? — С. 26.

** «Синехологический» в переводе с греческого означает «связующий».

⁴⁸ Гиляров А. Н. Старые поэты... — С. 23.

⁴⁹ Там же. — С. 62.

центростремительными, узко национальными, охранительными существуют элементы центробежные, свободолобивые, ратующие во имя общечеловеческих идеалов. Живительная струя вносится в общественное сознание этими последними, так как жизнь не есть застой, но движение, притом не назад, а вперед. Они ведут борьбу против всякой национальной обособленности, но национальности не отрицают... Они знают, что сколь бы общественный организм ни был разъединен противоположными мнениями, в минуту опасности он сростается и бьется общей жизнью»⁵⁰.

С позиций гуманизма Гиляров исследует и проблему классового и общечеловеческого в истории философии. Будучи убежден в том, что мировоззрение философа зависит от того, интересы и идеологию какого класса он выражает, ученый подчеркивает, что в этой зависимости не все однозначно. Отношение «человек—мир», теоретическим осмыслением которого является философия, определяется не только классовой принадлежностью человека, но и его принадлежностью к человеческому роду. Философия, охватывая отношения между человеком и миром в их целостности, с необходимостью содержит этот момент общечеловеческого. Чем слышнее его звучание, тем дольше философское учение сохраняет свою жизненность и силу. Таким образом, делает вывод Гиляров, содержание философских систем не является исключительно классовым достоянием. Неся заряд общечеловеческого, эти системы могут находить своих приверженцев в различных классах общества.

Являясь единым, историко-философский процесс одновременно противоречив. Во внутренней противоречивости самого философского знания и в его противоречии с запросами времени Гиляров видит причину смены философских периодов. Каждая философская система полна противоречий, каждая стремится найти из них выход, вызывая к жизни другие, более совершенные, которые, однако, также противоречивы и заставляют искать еще большего совершенства и т. д. Дивергентность философского развития проявляется и в радикальной поляризации философии на главные — материалистическое и идеалистическое — направления, борьба между которыми является стержнем историко-философского процесса. Теоретической основой такой поляризации является, по убеждению Гилярова, «то или иное, скрытое или явное, отношение к вопросу о внешней и внутренней действительности, материи и духу, к одушевленности, ее природе и границах»⁵¹. С этой точки зрения ученый пытается дать целостный, систематический анализ истории философии⁵². Гиляров не успел закончить свою работу, однако и то, что было сделано, имеет большое значение для отечественной историко-философской науки, как один из первых опытов ее систематического построения.

Выделяя закономерности истории философии, Гиляров основывался на собственном многолетнем изучении философии в ее истории, исследовании ее конкретных этапов, из которых наиболее пристальное внимание мыслителя привлекала античная философия. Гилярову принадлежит наиболее глубокое и всестороннее в отечественной историко-философской науке исследование учения греческих софистов, исследование, до сих пор не утратившее своего научного значения⁵³. Первым в отечественной философии Гиляров обратил внимание на историко-философский аспект творчества Платона, проанализировав с этой точки зрения платоновские диалоги и доказав неосновательность общераспространенного предубеждения против Платона как менее достоверного в сравнении с Аристотелем свидетеля истории греческой философии.

⁵⁰ Там же.— С. 22—23.

⁵¹ Гиляров А. Н. Философия в революционной и классовой борьбе.— Л. 120.

⁵² См.: Схема історії філософії...

⁵³ См.: Лосев А. Ф. История античной эстетики. Высокая классика.— М., 1974.— С. 99.

Творческий путь Гилярова — яркий пример беззаветного служения истории философии как науке. Подчеркивая ее важнейшее значение для постижения сущности самой философии, он рассматривал ее как прекрасное средство для расширения умственного кругозора, для выработки оригинального миропонимания, для вдумчивого и критического отношения к жизни.

Высокая историко-философская культура Гилярова, уровень его теоретических обобщений, их гуманизм дают основания для того, чтобы оценить этого мыслителя как крупнейшего отечественного историка философии конца XIX — первой четверти XX вв., во многом опередившего достижения современной ему истории философии. Труды Гилярова, незаслуженно забытые, должны стать предметом серьезного исследования, и тогда обнаружится, что они представляют не только исторический интерес, но полезны историко-философской науке и сегодня.

ОТ РЕДАКЦИИ: В следующем номере журнала мы опубликуем фрагменты работы А. Н. Гилярова «Разложение политических и общественных идеалов», а также библиографический список его трудов.

РЕКЛАМА . . . РЕКЛАМА . . . РЕКЛАМА . . . РЕКЛАМА . . . РЕКЛАМА

ГАЗЕТА, О КОТОРОЙ ВЫ ЕЩЕ НЕ ЗНАЕТЕ

«ДОСТЛУКЪ» — единственная в нашей республике газета, выходящая на крымско-татарском языке. Ее редакция учреждена при «Крымской правде» 7 июля 1989 г. С момента основания газеты ее тираж вырос с 2 до 19 тыс. экземпляров.

«Достлукъ» выходит один раз в неделю, ее объем — 2 п. л. Основные рубрики:

- История крымско-татарского народа
- История крымско-татарской культуры и культурные связи
- Народное образование
- Производственная жизнь
- Великая Отечественная война и подпольное движение
- Литература и поэзия

Кроме того, в газете находят отражение проблемы, с которыми сталкиваются в повседневной жизни возвращающиеся на Родину крымские татары: вопросы трудоустройства, быта, получения земельных участков под застройку и ряд других.

Индекс издания: 61059.